

УДК 159.9.01:13

С.Р. Динабург

ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ: ОЧЕРК СТРАТЕГИЙ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В форме философского эссе представлены тенденции развития гуманитарного знания на современном этапе. Выделены наиболее актуальные проблемы методологии современной психологии и системы знания о человеке в целом. На основе анализа литературы обозначены проблемные аспекты современной гуманистики. Особое внимание уделено пограничным проблемам и ценностным ориентирам в человекознании.

Ключевые слова: гуманистика, гуманитарное знание, междисциплинарность, методология психологии, феномен границы, ценностный переворот.

В статье уважаемого автора много нового и интересного. Но то, что интересно, совсем не ново, а то что ново, совсем не интересно.

Научный фольклор

Жанр философского эссе позволяет шутить на серьезные темы. В предлагаемой рефлексии автора юмор призван помочь вытерпеть рассмотрение двух предельных вопросов: что такое человек в свете современного гуманитарного знания и что такое современное гуманитарное знание, способное осветить человека. Предельны они не потому, что предельно надоели или поставлены настолько широко, что за этим фронтиром ничего увидеть и помыслить невозможно. Предельны они, во-первых, границами контекста: позволительно возноситься в любые эмпирии, но уж на эти-то вопросы читатель вправе получить внятный ответ. Предельны они и по градусу интереса – это то, о чем мы говорим со студентами, и тогда, когда студенты нас не слышат, и когда мы сами себя не вполне слышим, но хотим быть услышанными и хотим услышать именно об этом хоть что-то от кого-нибудь. Наконец, обращение к гуманитарной тематике будет неполным без понимания пограничья банальности и абсурда – где, собственно, и совершаются события.

М.М. Бахтин предупреждал, что от любого текста, иногда пройдя длинный ряд посредствующих звеньев, мы в конечном счете всегда «упремся в человека» [1. С. 402]. Но не всегда этот ряд удастся пройти без остановок или избежать попадания в «замкнутый круг инструментального разума».

© Динабург С.Р., 2013

Динабург Светлана Роальдовна – ст. преподаватель кафедры философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: solo.alias@list.ru.

Так, интересная метафорическая история произошла на семинаре зимней философской школы в Перми¹.

В конце философского действия, когда пошли на убыль попытки совершить очередной *онтологический поворот* путем скрещивания (кросс-фертилизации) диалектического материализма и спекулятивного реализма, а все манифесты были уже зачитаны, один из участников напомнил присутствующим известный анекдот «из лекций по античности М. Мамардашвили»: как ни пытайся собрать детскую коляску из вынесенных с завода деталей (инвариантность базисных положений), все равно получается автомат Калашникова.

На наш взгляд, здесь явная контаминация двух значимых символов – известного философа и АК(М). У Мамардашвили речь идет о достойном собирании немногих оставшихся от греков осколков, и в его логике трудно даже представить себе близость мышления и автоматизации. Тем не менее эта метафора была принята «на ура!» и реакция была моментальной: «было бы неплохо, если бы новая философия стала *автоматом Калашникова*». Как сие было переведено присутствовавшему здесь же иностранному гостю – это тема отдельных забавных предположений. Тем не менее, если философия мыслится как безупречно функционирующее инструментальное средство (наш критический рассудок функционирует просто превосходно), и вообще мировой бренд (пусть уважают), и автомат этот отнюдь не газировку продает, утоляя духовную жажду хотя бы символически... Позволим себе наивный вопрос: есть ли вообще такая цель бытия (кроме власти и тщеславия), для которой нужны подобные средства? [2. С. 246].

Стоит ли удивляться недоверию и настороженности в отношении гуманитарного знания, что становится в последнее время особой темой дискуссий.

Студенты отвергают значительную часть «бла-бла-бла» гуманитарного знания, поскольку оно умножает все непонятное и неопределенное и, значит, *сейчас* не нужное, а *потом* в юности – это почти что *никогда*. Другая часть аудитории, с натренированным политическим чутьем, видит простой и грубый политический заказ и недоумевает, почему этого не видят остальные. Третьи видят более тонкую, опосредованную связь: гуманитарные знания ведут к гуманитарным технологиям («знание – сила и власть»), а те, в свою очередь, есть средства манипуляции, мягкого навязывания нужного выбора. То ли дело «технологии свободы» (Ф. Фукуяма) с помощью «девайсов» и «препаратов» – они-то свободы добавляют, поскольку появляются новые опции выбора. Четвертые тоскуют, поскольку их соблазняют свободой, к которой они не готовы, обременяют необходимостью личностных решений в связи с вновь открывшимися обстоятельствами («многая знания – многая печаль»).

¹ См.: <http://piotrovsky-book.livejournal.com/220384.html>.

ли») и пугают ответственностью, понимаемой как непереносимое и тягостное вседолжествование. Пятое просто злы «на этих гадов, которые все развалили». Когда разваливали экономику – это еще как-то по-человечески понятно, это наш особый российский путь, стиль и шик, но когда постмодернизм-деконструктивизм разваливает святое, или то, что от него осталось, это уже непереносимо.

И как тогда можно надеяться «отыскать человека», «упереться» в него – во всем этом гуманитарном, с позволения сказать, дискурсе? В этом искушенном, интеллектуализированном вместилище текстов и самострельных автоматов со всеми удобствами?

Для этого нужно много крепкой веселой философской наивности. И пауз, время от времени². Метафору же про детскую коляску и тульского умельца можно осмыслить иначе. Мы продолжаем идти (ехать, нестись) по магистральному пути овеществления, которому предела нет, но все больше становится пробок. Путь персонификации, *отношения к личности*, которому тоже предела нет, не означает, что нужно совсем отказываться от вещей и делать «детскую коляску» из мамы (хотя многие просвещенные мамы выбирают сегодня именно «первобытный» слинг-перевязь, а не коляску – они выбирают этим не материал, а отношения). Но между путями должны быть какие-то переходы, соединительные туннели и прочая коммуникация.

На наш взгляд, диалектика развития культуры – на уровне истории или индивидуального сознания – заключается в том, что и онтологический поворот, и эпистемологическая революция подготавливаются более длительными ценностными переворотами. Новое и ценное возникает как минимум дважды. Прежде чем появятся качественно новые объекты («вещи», концепции), творение происходит «из ничего» – то, что было малоценно, незаметно или презренно, обретает новый статус, выходит из небытия и становится качественно новым и ценным. Ценностное превращение происходит вокруг агентов катализации (узлов сингулярности) – именно на *границах* абсурда (т.е. высокой плотности отвергаемого, невозможного смысла).

* * *

Чудак покойник: умер во вторник; стали гроб тесать, а он вскочил, да и ну плясать.

В.И. Даль. Пословицы русского народа

Эта народная эсхатология может символизировать, в нашем случае, положение дел как с метафизикой, так и с постмодернизмом. Особенность

² «Если мы приостановим в себе автоматическое связывание значений слов, употребляемых философом вроде бы в привычных ассоциациях, тогда постепенно нам будет открываться смысл того, что в действительности говорится» [3. С. 45].

настоящего момента, на наш взгляд, заключается в том, что воскрешение этих упокойников происходит в одном и том же процессе, с одновременным продолжением *утверждения границ* и их дальнейшего *стирания*.

К похоронам метафизики философская общественность за последнюю сотню лет привыкла, но в целом не смирилась. Смерть постмодернизма – явление куда более недавнее и скоропостижное. Вот ведь совсем недавно перевели основные труды его *классиков* и начал институционализироваться категориальный аппарат, только «глухо заворчала, заворчалась вузовско-академическая общественность, в целом осуждая, но частично заимствуя» [4. С. 123], и вышло новое поколение учебников «без основного вопроса» – как поползли устойчивые слухи, что постмодернизма больше нет. Умер. То ли закономерно задохнулся в атмосфере истощения и упадка, откинулся в созданных собою же условиях демонтажа и эрозии; то ли демонстративно покончил с собой, не вынеся заурядности своей обыденности и повсеместности; то ли это была случайная передозировка кокетства-саморазоблачения. Целых два философа согласны даже насчет точной даты его смерти [5]. Скептики не просят предъявить труп, зная, что предъявят опять текст, интерпретацию, симулякр. Скептики поверят, если все дискурсы и тексты провалятся в тартарары и о них не будут вспоминать лет пятьдесят, что, разумеется, уже невозможно. Реалисты говорят, что если постмодернизм и умер, то по-постмодернистски – *в каком-то смысле*, а мы все остались с этим вирусом в крови и должны выработать иммунитет.

На повестке дня два вопроса. Первый относится к лингвистической реальности: как называть то, что *после*. Скромно – *постпостмодернизм*, не очень скромно – *метамодернизм*, с историческим оптимизмом – *протеизм* или лирически – *неоархаика* (новый гуманизм, новый утопизм, новая искренность и аутентичность, транссентиментализм) – консенсуса здесь нет. Второй – и здесь есть поразительное согласие – это поиск или защита метафизики, хотя и в жанре *игры всерьез*. «Ситуация после постмодернизма возвращает нас к вопросам святым. Какова природа реальности как вечного сопротивления человеческим порывам, для чего существует человек, почему он обречен смерти, есть ли Бог, нет ли Бога – вопросы, казавшиеся архаическими в эпоху постмодерна, – они вернули свою насущность» [6. С. 17]. При этом «зрелище позитивистов, деконструктивистов и постмодернистов, ползущих в Каноссу метафизики, на коленях», но «с гордо поднятой головой» – это зрелище, как некоторые считают, «не для слабонервных» [7. С. 190].

Некоторая ирония в отношении постмодерна и его судьбы представляется вполне уместной, по правилам игры. Но если не заигрывать, то вне всякой иронии стоит признать, что «одной из самых фундаментальных, ключевых мировоззренческих идей, бастионом надежды в борьбе за сохранение человека является идея вечного возвращения» [7. С. 180].

Проблема этого возвращения для простого смертного известна как состояние «тяжести слов» [8] – можно говорить о важном и значимом, употреблять «экзистенциальное», «выбор», «искренность», «диалог», и в воздухе будет витать «контент», «невыразимое», «истоки»... Только отчего-то может заболеть голова, и отчетливо захочется сбегать на свежий воздух и побродить по улицам. И это будет верным, подлинным.

Возвращаться – идти на *голос бытия*. Уметь возвращаться – обладать философской нативностью, младенческим энтузиазмом: увидеть и схватить. «...Сколько мужества и воли требуется для того, чтобы в современных условиях вообще говорить еще нечто настолько простое и “примитивное”, что оно сможет пробиться сквозь сложнейшие хитросплетения “просвещенного” сознания» [2. С. 329]. Затем нужно мощное и настойчивое усилие высказать банальное и тривиальное «столь выразительно и подробно, что его должны будут “подлинно” понять даже интеллектуалы», т.е. «перевести мистически простое знание о простой жизни “как она есть” на язык наиболее прогрессивной европейской традиции мысли» [там же]. Наконец, критический импульс философии – в чуткой настороженности в отношении границы созидание/нагромождение и бытие/потребление. «Человеческой жизни “нечего искать” на Земле, кроме нее самой, но там, где царит цинизм, ищут всего, чего угодно, только не человеческого существования. Прежде чем перейти к “подлинной жизни”, всегда нужно еще доделать какие-то другие дела, выполнить еще какие-то предварительные условия, воплотить какое-то более важное на данный момент желание, свести еще какие-то счета» [там же].

Но если принять *всерьез*, что философия – это фундаментальное настроение, то последствия мы получим самые великолепные. Так, придется признать, что, хотя «вещи» нам «не даны», зато неоспоримо дана такая субстанциональная реальность бытия, об исчезновении которой нам столько говорили. Эта фундаментальность успешно вырабатывается «нами», мы ей неопровержимо обладаем, даже рассуждая о растворении ее в языковых играх, виртуальных мирах и симулякрах.

* * *

Выдача тел осуществляется
в порядке *живой* очереди.

Объявление на дверях морга

Все-таки мы (современники) живем где-то перед Новым временем – в эпоху поздней массовой схоластики, ее блестящей единичной критики, бурного развития книгопечатания и в уповании *метода*. Мы недавно открыли Америку и путешествуем в Китай. Наши мастера много преуспели в выделе-

вании материалов, напитков, оружия, лекарств и забавных вещей. Но более всего мы продвинулись, расширяя сферу *ученого незнания*. Фундаментальный вопрос – как к этому факту относиться: в духе оптимизма или пессимизма, или даже с оттенками.

Еще на памяти времена, когда научное познание было организовано четко, иерархично, наглядно и незаблемо, как система Птолемея. «Предметное поле» исследования в человекознании было *дано*. Методы классифицированы. Но дальше начинались таинства и сложности, обусловленные, как и в системе Птолемея, ложной простотой. Понятия-то были одни на всех, зато их контекст был различен... Психология изучала человека со стороны психики, медицина – организма и т.д. Предполагалось, что человековедение вообще и психология в частности в общем строю изучает «объекты согласия», подобные электрону в научной картине мира. «Это – человек, сознание, бессознательное, личность, субъект, индивидуальность, индивид, группа, активность, взаимодействие, жизнедеятельность, поведение, деятельность, общение, отражение, отношение, переживание. Конечно, данный список можно сократить или, наоборот, дополнить, однако здесь нет ни одного понятия, которое разрабатывалось бы только психологической наукой» [9. С. 21]. Более того, поддерживался статус психологии как «центральной дисциплины»³ (во многом, самопровозглашенный) и идея об ее атрибутивной междисциплинарности. «Примечательным является то, что и сами психологи, и специалисты по методологии науки высказывали согласованное мнение: психология занимает центральное место в системе наук, находясь на пересечении естественных, технических, общественных и гуманитарных» [там же].

Хорошо понятен пафос исторической миссии и соответствующая ценностная установка «на интеграцию»: «Важнейшая функция психологии в общей системе научного знания состоит в том, что она, синтезируя в определенном отношении достижения ряда других областей научного знания, является интегратором всех (или, во всяком случае, большинства) научных дисциплин, объектом исследования которых является человек» [10. С. 184]. Но важно понимать, что это прежде всего идеологема, *декларация о должном*, а не констатация сущего или анализ (прогноз) реальных возможностей.

Некоторые высказывания в духе психоцентризма вызывают грустную улыбку степенью методологической наивности: «Более того, создается впечатление (его очень трудно строго проверить), что чем важнее феномен и понятие для психологии, тем большее число смежных наук их исследуют, разрабатывают и используют» [9. С. 13].

³ Статус «ключевого положения» (Ж. Пиаже) пришел на смену ее «аномальности» и «дефекта» познания в силу отнесения к наукам о природе и обществе одновременно. Интересна ценностная идея о «центральном месте» науки в научной космологии.

Однако что представляется самым печальным – это взаимоотношения психологии и философии. При самом теснейшем, органичном родстве философия для психологии подобна – и до сих пор еще! – королеве, которая царствует, но не правит. Либо следовать строго заданным курсом, в фарватере, не слишком вникая, что роли в этом пафосном познании человека распределены как на конвейерной сборке: «Психология осуществляет интеграцию данных о человеке на уровне конкретно-научного знания. Более высокий уровень интеграции – это, конечно, задача философии» [10. С. 181]. Либо – почитать как свадебного генерала: «факты» постоянно сопоставлялись «с данными, накопленными в области математики, кибернетики, логики, лингвистики, этики и, конечно же, философии» [9. С. 15]. И в обоих случаях побольше реверансов!

Чем психология заплатила и все еще платит за нереалистичную самооценку и подмену любви к мудрости, нетрудно представить...

Прежде всего, это углубление эпистемического ирреализма, а попросту самообман: «Многочисленные попытки понять природу психического привели психологов к осознанию необходимости решения трех, как минимум, фундаментальных проблем: психофизической, психофизиологической и психосоциальной» [9. С. 18]. Поскольку за указанными проблемами стоят еще более фундаментальные проблемы отношения, например бытия и сознания, связи субъекта и объекта, природы реальности и т.п., то вспоминается эпический герой, пожелавший поднять Землю, увидевши «подходящее» кольцо. После первой попытки эпический герой ушел в Землю по колено, после второй – по пояс... и т.д. Примерно так же обстоят дела в психологии *и сегодня*. «Поэтому в настоящее время сравнительно хорошо отрефлексированы, а в теоретическом плане довольно непротиворечиво выстроены и имеют богатую экспериментальную основу пока лишь две проблемы: психофизическая и психофизиологическая» [там же]. Воистину, политкорректность позволяет сказать даже о тухлом яйце, что *местами оно превосходно*.

Другая сторона проблемы – это «перманентный кризис психологии», вернее, его драматическое, полярное – от парадного до самоуничижительного – переживание. Судя по публикациям последних лет, волна методологических страстей (столкновения мнений, эмоциональных оценок, тревог за судьбу науки) пошла на спад [9–14]. В хоре повторений и компиляций выявились пункты радикального согласия и несогласия. К первым можно отнести признание провала проекта интеграции в отношении как теорий и методологий любого уровня, так и персонального взаимопонимания. Интеграция не только не состоялась – в сложившихся обстоятельствах непонятен ее возможный механизм и основания. Положение оценивается как методологический «застой», «беспредел», «зыбкое болото», «пропасть» (на что другие сферы человекознания могли бы резонно ответить: «А кому сейчас легко?»). Невозмож-

но достойно противостоять паранауке и клерикализму, а также бессистемной эмпирии. Но центральный пункт – это неясность предмета науки и необходимость его пересмотра. Расхождения выявились по поводу дальнейших путей. Нужно ли продолжать пытаться наводить мосты между теориями и концептами или оставить так, либерально-плюралистически? Стоит ли предпринимать специальные усилия по «тривилизации ахинейных концепций» или хаос соорганизуется сам и нужный результат в свое время станет доступен?

В лучшем (с точки зрения переживания дезорганизации) положении оказались те, кто смог учесть действие неклассического вектора развития науки, те, кто понимает, что «распалась цепь великая» на уровне философского понимания реальности, а не то что предмета науки.

Муки по Единому велики. Уже не хочется назад, к идеологическим и теоретическим постулатам. Уже понятно, что ризоматические теории не стыкуются без насилия, а естественно-научный и гуманитарные подходы не срастаются. Уже не устраивает, что системный подход дал «стройную и относительно непротиворечивую систему современных научных представлений о психике человека, построенную на основе ее междисциплинарных исследований» [9. С. 21], потому как и междисциплинарность, как выяснилось, имеет свои существенные недостатки, и образ целостного человека в холистической парадигме соблазняет.

Но так еще сильно ценностное сопротивление классической рациональности, например ужас перед *фрагментарностью* и *мозаичностью*. Феномен понимается в русле негативных коннотаций как синкретичность (которая, разумеется, примитивна – на том основании, что, созревая раньше, соответствует *примитивному* мифу в антропогенезе и *примитивным* формам мышления в онтогенезе); как «постмодернистский экстаз» соединять несоединимое. Намеки же на то, что «целостность всем фрагментам задает иное, запредельное миру бытие» [15. С. 57] воспринимаются правоверными исследователями как апелляция к потусторонним силам.

Как представляется, классическая рациональность воспринимает границу между фрагментами мозаики как трещины, нарушения целостности, швы и шрамы на теле бытия и науки. Классика не проявляет особого интереса к феномену границы, признавая ее атрибутивное *ускользание*. Граница в классике фундируется через центрацию на объектах (пустота *между* атомами, противоположности в особых взаимоотношениях), как вненаходимое (скачок, транс-переходы), бесконечно дробимое (стыки между дисциплинарными коробками в науке, которые, в свою очередь, снова становятся дисциплинарными коробками). Постмодерн провозглашает стирание границ, и тем труднее вступить в непосредственное соприкосновение.

Мысль, что все великое свершается на границе, на стадии перехода, в равной степени принадлежит и архаике, и модерну. Бытийный статус границы определяется через проблему продуктивного ограничения и проблему перехода. Граница – соединительная ткань фрагментов бытия, коммуникация

между его частями. Если говорить о познании, это время отмечено особой динамикой поиска, это время смуты и творческого усилия.

Возвращаясь к состоянию современной психологии, необходимо отметить некоторые позитивные итоги, имеющие отношение к опыту предела и преодолению границ.

Подозрение, что «существование такой отдельной науки, как психология, вообще, видимо, атавизм» [12. С. 132] оказалось продуктивным. Появилось понимание, что есть *психология* (с заданным когда-то, но ныне неопределенным предметом), и есть *вся психология* как живой феномен. И это понимание артикулируется в нескольких смыслах. Во-первых, *вся психология* (философская, научная и практическая) живет по разным законам и идеалам, не теряя своего, пусть пока неотрефлексированного, единства. Во-вторых, по мере того, как включенность субъекта в процесс познания стала осознаваться исследователями, психология вместе со своими междисциплинарными компаньонами обнаруживает свое присутствие в сферах, имеющих отношение к человеку и обществу, т.е. везде. Обозримый набор этих дисциплин иногда называли *когнитивистикой*. Теперь, когда их число безмерно, от аподидактики до эротологии, имеет смысл говорить о *гуманистике* (the humanities), комплексе гуманитарных дисциплин.

При этом траектория человекознания в расширении кругов *ученого незнания* дошла, наконец, от сциентистской уверенности до критической постановки вопроса, как вообще возможна гуманистика, имея в виду современное, послекантовское содержание. «Именно на сцене гуманистики разыгрывается трагикомедия homo sapiens, который с античных времен был призван к главной цели – “познай самого себя”, а в XX веке уперся в методологический тупик невозможности самопознания. Не противоречит ли гуманитарность самому представлению о научности как объективном познании, коль скоро познающему не дано полностью объективировать себя самого? Не оксюморон ли само выражение “гуманитарные науки”, чей объект гротескно совпадает и не может совпасть с их субъектом?» [6. С. 17].

Эти «обнадеживающие сомнения», моменты мышления на пределе возможного имеют непосредственное отношение к бытию на границе.

* * *

Бабушка, а когда ты умрешь и тебя
закопают глубоко-глубоко, тогда я
наконец-то смогу крутить
твою швейную машинку!

Детское торжество (фольклор)

Детский вопрос гуманистики: в чем проблема познания человека? Ответ человекознания еще совсем недавно был таков: в том, что человек – самая

сложная система. Продукт взаимодействия природы и общества, сложнейшая структура! Но тогда было «убеждение в принципиальной познаваемости законов человеческого развития, сущности человека, исключаящее всякую возможность агностицизма» [16. С. 108], поэтому задача – ширить исследования и крепить междисциплинарность. Осторожное сомнение Г. Марселя: «не делает ли нас в конечном счете слепыми именно это обилие знаний о частностях» – встретило решительный отпор «мистификациям экзистенциализма» и «принципиально якобы непознаваемой сущности человека».

Сегодня мы могли бы раскрыть перечень *проблематизирующих сомнений*, каждым из которых при определенных условиях исследования можно пренебречь, но каждое из них и все вместе принципиальны для понимания сложностей, которыми немногие отваживаются заниматься всерьез.

Вначале про *динамический аспект*. Если бы человек как система был сложнее галактики и даже его бессознательное было темным-претемным, все равно рано или поздно «новый Фрейд» тайну бы окончательно разгадал. Но нет, это невозможно, поскольку человек все время эволюционирует! [14. С. 21]. Не догнать нам его, как черепахе – Ахиллеса. Все еще сложнее! Обнадеживает *эволюционная эпистемология*. Все на свете сложные системы – саморазвивающиеся и нелинейные, с жутко непредсказуемыми эффектами. И не надо разделять объект и субъект – нету никаких отдельных от субъекта ни галактики, ни психики, есть *человекоразмерность* всего. Но тогда мы получаем еще и проблему *саморефлексии*: гуманитарные науки «изучают самого изучающего, именуя именуемого», поэтому в их центре находится «слепое пятно, в которое попадает обращенный на себя взгляд... Непостижимость человека для себя, несводимость к себе образует трещину в основании гуманитарных наук» [6. С. 18]. Как мы уже знаем, трещины и слепые пятна – это проблематика понимания *феномена границы*. Немножко парадоксов и абсурда, совмещения несовместимого – но все преодолевается в творческом порыве, в росте человека над самим собой. Но как это выразить?! «Все, что касается области пограничья, неопределенно и трудновыразимо, поэтому ее описания чаще всего образные» [17. С. 385]. И тогда стоит рассмотреть еще одну, кроме биосоциальной, составляющую природы человека – *духовный и вневременной аспект* человеческого существования, воздерживаясь от прямых заимствований из религии. «Определим это как способность страдать или способность чувствовать амбивалентность принципиально неустраиваемых ситуаций», выражать и транслировать через символ и миф, как через намек, как иносказание того, что иначе невыразимо [18. С. 26]. В таком случае нужно учесть, что гуманитарный субъект не столько открывает нечто в мире объектов, сколько производит... Он как *белая дыра*, которая «постоянно выплевывает из себя новые знаки, идеи, концепты». Кроме аналитических теорий, возникают синтетические (генеративные) теории XXI века, которые

порождают «семейства» новых концепций, жанров и дисциплин [6. С. 29]. Не хочется называть это дурной бесконечностью, но это близко к тому. А проблема точности! «Пределом точности в естественных науках является идентификация ($a = a$). В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т.п.)» [1. С. 398].

Пожалуй, на этом перечислении можно и остановиться, ибо «злоупотребление познанием сущего превращает мудрость в безумие» (Г. Палама). Современные *трансгрессивные стратегии* предлагают обратный путь – от неустранимого сегодня безумия к некоторой мудрости.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 381–432.
2. Слотердаjk П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
3. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии / под ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Аграф, 1999.
4. Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. – СПб.: Алетейя, 2009.
5. Эпштейн М., Савчук В. Светлой памяти постмодерна посвящается... // Художественный журнал. – 2007. – Февраль. – № 64.
6. Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
7. Кутырев В.А. Философия постмодернизма. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2006.
8. Тесля А. Тяжесть слов [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/7450>.
9. Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Изд-во ИП РАН, 2007. – С. 15–32.
10. Мазиллов В.А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок // Ярославский педагогический вестник. – Т. II. Психолого-педагогические науки. – 2010. – № 3. – С. 174–191.
11. Аллахвердов В.М. Научное исследование как тривиализация обособленной ахинеи // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Изд-во ИП РАН, 2007. – С. 174–194.

12. Аллахвердов В.М. Грустный оптимистический взгляд на психологическую науку // Психология. – 2005. – № 1. – С. 130–139.

13. Динабург С.Р. Психотерапевтический очерк методологии психотерапии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2011. – Вып. 1 (5). – С. 21–31.

14. Розин В.М. Психология: иллюзии идентификации и самоопределения // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2009. – Т. 6, № 4. С. 3–23.

15. Молодцова Е.Н. Пограничные территории науки / Границы науки. – М.: Изд-во ИФ РАН, 2000.

16. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001.

17. Куликова Т.В. Феномен границы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 381–387.

18. Воробьева Л.И. Гуманитарная психология: предмет и задачи // Вопросы психологии. – 1995. – № 2. – С. 19–30.

References

1. Baxtin M.M. K metodologii gumanitarnyx nauk [To methodology of the humanities]. *E'stetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, 1986, pp. 381–432.

2. Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma [Criticism of cynical reason]. Ekaterinburg. Ural'skij universitet, 2001.

3. Mamardashvili M.K. Lekcii po antichnoj filosofii [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Agraf, 1999.

4. Kutyrev V.A. Chelovecheskoe i inoe: bor'ba mirov [Human and other: fight of the worlds]. St.-Petersburg: Aletejya, 2009.

5. E'pshtejn M., Savchuk V. Svetloj pamyati postmoderna posvyashhaetsya... [To light memory of a postmodern it is devoted...]. *Xudozhestvennyj zhurnal*, 2007, February, no. 64.

6. E'pshtejn M.N. Znak probela. O budushhem gumanitarnyx nauk [Space. About the future of the humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.

7. Kutyrev V.A. Filosofiya postmodernizma [Postmodernism philosophy]. Nizhny Novgorod. Volgo-vyatskaja akademiya gosudarstvennoj sluzhby, 2006.

8. Teslya A. Tyazhest' slov [Weight of words], available at: <http://gefter.ru/archive/7450>.

9. Zhuravlev A.L. Osobennosti mezhdisciplinarnyx issledovanij v sovremennoj psixologii [Features of interdisciplinary researches in modern psychology]. *Teoriya i metodologiya psixologii: postneklassicheskaya perspektiva*. Moscow. Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk, 2007, pp. 15–32.

10. Mazilov V.A. Metodologiya otechestvennoj psixologicheskoy nauki: osnovnye napravleniya issledovanij i razrabotok [Methodology of domestic psychological science: main directions of researches and development]. *Yaroslavskij*

pedagogicheskij vestnik, vol. II, *Psixologo-pedagogicheskie nauki*, 2010, no. 3, pp. 174–191.

11. Allaxverdov V.M. Nauchnoe issledovanie kak trivializaciya obosnovanoj axinei [Scientific research as trivialization of a reasonable nonsense]. *Teoriya i metodologiya psixologii: postneklassicheskaya perspektiva*. Moscow. Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk, 2007, pp. 174–194.

12. Allaxverdov V.M. Grustnyj optimisticheskij vzglyad na psixologicheskuyu nauku [Sad optimistic view on psychological science]. *Psixologiya*, 2005, no. 1, pp. 130–139.

13. Dinaburg S.R. Psixoterapevticheskij ocherk metodologii psixoterapii [Psychotherapeutic sketch of methodology of psychotherapy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya*, 2011, vol. 1 (5), pp. 21–31.

14. Rozin V.M. Psixologiya: illyuzii identifikacii i samoopredeleniya [Psychology: identification and self-determination illusions]. *Psixologiya. Zhurnal vysshej shkoly e'konomiki*, 2009, vol. 6, no. 4, pp. 3–23.

15. Molodcova E.N. Pogranichnye territorii nauki. Granicy nauki [Boundary territories of science. Border of science]. Moscow. Institut filosofii Rossijskoj akademii nauk, 2000.

16. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya [Person as knowledge subject]. St.-Petersburg: Piter, 2001.

17. Kulikova T.V. Fenomen granicy [Border phenomenon]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2010, no. 6, pp. 381–387.

18. Vorob'eva L.I. Gumanitarnaya psixologiya: predmet i zadachi [Humanitarian psychology: subject and tasks]. *Voprosy psixologii*, 1995, no. 2, pp. 19–30.

Получено 15.02.2013

S.R. Dinaburg

CROSSING THE BOARDERS: ESSAY OF THE MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE STRATEGIES

In this philosophical essay presented trends of humanities at the present stage of its development. Showed the most urgent problems of modern methodology of the psychology and knowledges of the human as a whole. Based on the literature review identified the problematic aspects of modern humanities. Particular attention is paid to border issues in the cognition and value orientations in a human science.

Keywords: humanities, interdisciplinarity, the methodology of psychology, the phenomenon of the border, reconsideration the system of values.